

Научная статья

УДК 811.512.145

DOI 10.17223/18137083/77/17

**Названия болезней
в письменном языке сибирских татар XIX – начала XX века
(на материале мечетных книг Тобольской губернии)**

**Гузель Чахваровна Файзуллина¹
Энзе Ханафиевна Кадирова²
Любовь Закиевна Масловская³**

¹ Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

² Казанский федеральный университет
Казань, Россия

³ Средняя общеобразовательная школа № 2 г. Тобольска
Тобольск, Россия

¹ utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

² enge@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-6975>

³ l.z.maslovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2876-3010>

Аннотация

В статье поднимается вопрос, связанный с изучением письменного наследия коренного тюркоязычного населения Западной Сибири – сибирских татар. Материалом исследования являются метрические книги «на записку умерших», написанные на старотатарском языке. Хронологические рамки исследования определяются периодом с 30-х гг. XIX до начала XX в. Приводится лексико-семантическая классификация названий болезней, анализируется лексика с точки зрения этимологии, рассматриваются особенности эпидемиологической ситуации в сельской местности, представленной в мечетных книгах.

Ключевые слова

метрические записи мусульман, сибирские татары, Тобольская губерния, названия болезней, смертность населения

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-412-720008 «Метрические записи XIX – начала XX в. о тобольских и тюменских бухарцах как историко-лингвистический источник»

Для цитирования

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Масловская Л. З. Названия болезней в письменном языке сибирских татар XIX – начала XX века (на материале мечетных книг Тобольской губернии) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 229–240. DOI 10.17223/18137083/77/17

© Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Масловская Л. З., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 229–240
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 229–240

**The names of the diseases in the written language
of the Siberian Tatars of the 19th – early 20th centuries
(based on the mosque books of the Tobolsk province)**

**Guzel Ch. Fayzullina¹, Enze Kh. Kadirova²
Lyubov Z. Maslovskaya³**

¹ University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

² Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

³ Secondary School No. 2 of Tobolsk
Tobolsk, Russian Federation

¹ utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

² enge@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-6975>

³ l.z.maslovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2876-3010>

Abstract

The paper raises the question of studying the written heritage of the indigenous Turkic-speaking population of Western Siberia – the Siberian Tatars. The material of the study is the metric book “on a note of the dead” written in Arabic graphics in the Old Tatar language. The chronological framework of the study is the period from the 1830s to the beginning of the 20th century. The lexico-semantic classification of the names of diseases distinguishes four main groups: records containing the name of any part of the body/organ; records containing the name of the reaction / condition of the body; records containing the name of any change (internal or external) in the body / neoplasm on the body; names of diseases referring to a religious worldview. From the point of view of the structure, it was revealed that the names of diseases consist of two to three components, with the main semantic load in the first word. It was established that in 73.6 % of cases, the first component has a Turkic basis, and in 26.3 %, it was borrowed. The authors conclude that most lexemes in the modern pronunciation (or form) are widely used both in the Tatar literary language and in the dialects of the Siberian Tatars. The semantic dialectisms were identified, and lexemes used only in mosque books and dating back to foreign roots – Arabic or Persian – were distinguished.

Keywords

metric records of Muslims, Siberian Tatars, Tobolsk province, names of diseases, mortality

Acknowledgments

The reported study was supported financially by RFBR, project no. 20-412-720008 “Metrical Records of Tobolsk and Tyumen Bukhars as a Historical-Linguistic Source”

For citation

Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh., Maslovskaya L. Z. The names of the diseases in the written language of the Siberian Tatars of the 19th – early 20th centuries (based on the mosque books of the Tobolsk province). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 229–240. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/17

Введение

Научная значимость исследования видится в сохранении, актуализации и изучении письменного наследия сибирских татар XIX – начала XX в. Особого внимания заслуживает исторический контекст рукописных источников, иллюстрирующий важные события в жизни местного населения.

Материал исследования составляют рукописные книги «на записку умерших», написанные на старотатарском языке в XIX – начале XX в. и хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска¹. В мечетных книгах «на записку умерших» имеются следующие сведения: 1) населенный пункт, в котором зафиксирована смерть; 2) причина смерти; 3) возраст умершего; 4) время смерти; 5) имя и половозрастной статус умершего; 6) порядковый номер умершего в зависимости от пола. В качестве лексикографического источника используется «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище» учителем татарского языка Иосифом Гигановым (СПб., 1804).

Предметом нашего исследования являются названия болезней, зафиксированные имамами Тобольского уезда (округа) в XIX – начале XX в. Необходимо отметить, что причинами смерти, помимо болезни, могли быть самоубийство (*асылыб вафат* (اصليب وفات) ‘умер от повешения’), несчастный случай (*дәрьяда һалак булып* (دریادا هلاک بولوب) ‘умерев в воде’), смертельная рана (*йара* (يارا) ‘рана’) и тяжелые роды (*углан зэхмәте* (اوغلان زحمتی) ‘болезнь ребенком’, т. е. при родах: *бала тугурмак зэхмәте илә вафат* (بالا توغورماق زحمتی) / *тугмадин* (توغمدين) *зэхмәте* / *углан тугурма* (اوغلان توغرمه) *зэхмәте* ‘умерла при родах ребенка’).

Лексемы со значением ‘болезнь’

В языке сибирских татар XIX в. понятие ‘болезнь’ передается с помощью лексем *ауру*, *агырык*, *агырыклык*: *ауриймен*, *агріймен* ‘болю, не могу’; *аурувлы*, *агриклы* ‘больной’; *ян авзругунца* ‘болезненно’; *янем ауриде*, *агырыксынамен* ‘болезную, тужу’ (СРТ, 1804, с. 21–22); *югушлы агырык* ‘заразная болезнь’ (СРТ, 1804, с. 181); *бизгак булуп агрийде* ‘лихорадкой не может’ (СРТ, 1804, с. 263); *куянчик агырык* ‘падучая болезнь’ (СРТ, 1804, с. 362).

В слове *агырык* сохранилась характерная для старотатарского литературного языка древнетюркская форма *-агы*, которая встречается в памятниках письменности периода Золотой Орды и Казанского ханства: *اغیر агыр*, *اغیر تاش агыр таш*, *اغیر ایش агыр иш*, *اغیر بهالی агыр бәһалы*². Тем не менее наряду с этой формой под влиянием разговорной речи в воспоминаниях периода Золотой Орды начинает употребляться кыпчакский дифтонг *-ау*. Однако в литературных текстах продолжает использоваться вариант *-агы*, соответствующий традиционным нормам орфографии [Nurieva, 2019, p. 748]. В записях об умерших книжный вариант зафиксирован в названии болезни *баи агрыклыгы* ‘головная боль’.

Для обозначения болезни в мечетных книгах используются синонимичные лексемы *агырык* (اغریق), *зэхмәт* (زحمت), *мәрәз* (مراض), *сыркау* (سرقاؤ) / *сырхау* (سرحاؤ) и *чару* (چرو).

В современном татарском языке лексема *зэхмәт* (< араб. زحمت) употребляется в следующих значениях: 1) нужда; забота; хлопоты; беспокойство; 2) страдание, мучение; мука, невзгоды; 3) вред, пагубное (вредное) действие (влияние); 4) порча, болезнь, заболевание, хворь (посланные, по поверьям, сверхъестественной черной силой) (ТРС, 2007, с. 418). В «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» зафиксированы значения: 1) труд, работа; 2) тягость, беспокойство, гнет; 3) зависимое положение; 4) болезнь, недомогание (АТРСЗ, 1965, с. 139).

¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Мечеть Кайнаульских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии. Ф. И508.

² Здесь и далее арабские примеры приводятся по: (АРС, 1958).

Лексема *захмәт* в записях о причине смерти обозначает ‘болезнь, заболевание’ и ‘страдание, мучение’. Ср.: *йөрәк захмәте* ‘сердечное заболевание’ и *мәраз захмәте илә вафат* ‘умер от страдания болезнью’ (*мәраз* (< араб. مرض) ‘болезнь, заболевание, недуг’).

Этнограф З. И. Минибаева отмечает, что, «по традиционным представлениям курганских башкир, происхождение многих болезней связано с воздействием на человека злого болезнетворного духа *захмат* (*захмәт*), который подобен черной тени и имеет антропоморфный облик; он может заводить семью и иметь детей. Обычно обитают в грязных местах: на мусорных свалках, помойках, в кучах золы и в заброшенных постройках. Такие места в народе называются *захмәтле урын-дар*, т. е. “опасные места”, где люди могут подхватить болезнь (*захмәте эйәрә*). Первыми признаками болезни являются головная боль, ощущение тяжести и внутреннего холода; впоследствии человек может превратиться в калеку. Знахари диагностируют состояние больного термином *захмәт үһылһан* (букв. захмат ударил)» [Минибаева, 2011, с. 5].

Вероятно, представления сибирских татар о *захмәт* как злом болезнетворном духе имели место, так как в народных говорах бытует фраза *йел захмәтенә эләккән* ‘попал к черной силе’ (досл. попал к болезни ветра).

Лексема *сыркау / сырхау* (общекипчакское *сырқа* (ТТЭС, 2015, II, с. 193)) ‘болезнь, хворь’ зафиксирована в словаре И. Гиганова в составе названия болезни *сарысыргав* ‘желуница болезнь’ (СРТ, 1804, с. 154). В мечетных книгах лексема *сыркау / сырхау* используется в образовании названий болезней *жәрсыркау* (جىرسىرقاؤ) *захмәте* ‘страдание заболеванием печени’, *тир сыркау* (تىرسىرقاؤ) *захмәте* ‘лихорадка’ (досл. страдание потной болезнью, потницей), ср.: *тир хаста* ‘лихорадка’ (ССТГН, 1869, с. 413). Отметим, что сочетания *сыркау / сырхау захмәте* и *мәраз захмәте* синонимичны. В тоболо-иртышском диалекте сибирских татар лексема *сыргатлык* употребляется в значении ‘здоровье’, а *сыргау* – ‘больной’. Известны примеры из других говоров и диалектов татарского языка: *сырхабат* ‘болезнь’ – касимовский говор среднего диалекта, *сырхават* ‘экзема’ – тепекеевский говор среднего диалекта, *озын сырхау* ‘туберкулез’ – лямбирский говор мишарского диалекта, *сырхауга сабу* – мелекесский говор мишарского диалекта (ТТЗДС, 2009, с. 595–596).

В сочетании *чәрү захмәте* ‘страдание болезнью’ лексема *чәрү* восходит к древнетюркскому *ĀER* ‘запор (о кишечнике, эвфемизм)’ (ДТ, 1969, с. 144). В современном татарском языке слово *чир* функционирует в значении ‘хворь, болезнь’ (общекипчакское *чер* (ТТЭС, 2015, II, с. 438)).

При широком распространении заразной болезни в графе «причина смерти» писалось *кисү / кизү / кәсү* (كيسوؤ) *захмәте* ‘эпидемия (болезнь по очереди), повальная болезнь’ (ТТЭС, 2015, I, с. 412). В мелекесском говоре мишарского диалекта и мензелинском говоре среднего диалекта сохранилось название эпидемии в форме *ил кизүве* (ТТЗДС, 2009, с. 305).

Следовательно, в записях о смерти используются как тюркские наименования лексем ‘болезнь’, так и заимствованные из арабского языка, при этом лексема *мәраз* функционирует только в письменной речи.

Лексико-семантические группы названий болезней

1. Записи, содержащие название какой-либо части тела / органа: *баш агрык* (باش اغرىك), *баш захмәте* (باش زحمتى), ‘головная болезнь’, *жәрсыркау* (جىرسىرقاؤ) *захмәте* ‘страдание заболеванием печени’. В говорах сибирских татар лексема

жсәр не употребляется. Видимо, она восходит к персидскому *жсегәр* ‘печень’ (ПРС, 1959, с. 216). Это дает основания полагать, что *жәрсыркау* обозначает заболевания печени), *йөрәк зәхмәте* (يوراك زحمتى) ‘болезнь сердца’, *корзак / корсак зәхмәте* (قورساق) ‘болезнь живота’, *күкүз зәхмәте* (كوكيز) ‘болезнь грудной клетки’ (в тобольском говоре *күксә* ‘грудная клетка’, *күксәу* ‘болезни с приступами кашля’ (ТТЗДС, 2009, с. 348)), *күкрәк зәхмәте* (كوكراك) ‘грудная болезнь, болезнь дыхательных органов’ (ТРС, 2007, с. 418), *тамак зәхмәте* (طماق زحمتى) / *тамак мәрәз* (طماق امراض) ‘болезнь горла’, *тире зәхмәте* (تري) ‘кожная болезнь’, *эч* (ايچ) *зәхмәте* ‘болезнь живота, дизентерия’ (по сведениям Д. Б. Рамазановой, в тобольском и заболотном говорах *эч ауру* также имеет значения ‘заразное заболевание’ и ‘припадок’ [Рамазанова, 2013, с. 313]), *үзәк зәхмәте* (اوزاك) ‘болезнь живота’ (в тобольском и тюменском говорах *үсәк* ‘живот’, *үсәк булу* ‘страдать болезнью живота’ (ТТЗДС, 2009, с. 694)), *эсчәк зәхмәте* (اسچك) ‘болезнь кишки’.

2. Записи, содержащие название реакции / состояния организма: *бизгәк зәхмәте* (بيزگاك) ‘лихорадка’ (*бизкак* ‘лихорадка’, *бизгак булуп агрийде* ‘лихорадкой не может’, *бизкак ауру*, *бизгак агрык* ‘лихорадочная болезнь’ (СРТ, 1804, с. 263)), *бума зәхмәте* (بومه) ‘падучая болезнь, эпилепсия; коклюш’ (*бума* ‘удушьё’ (СРТ, 1804, с. 623)), *пумалы зәхмәте* ‘имеющий одышку’ (СРТ, 1804, с. 212)), *дәм* (< перс. *dām*) *кызамык зәхмәте* (دم قزمق زحمتى) ‘заболевание удушьем’ (досл. перекрывание дыхания), *йүдәл зәхмәте* (يودال زحمتى) / *йүтәл зәхмәте* (يوتال زحمتى) ‘страдание кашлем’ (*юталь*, *юткюрюк* ‘кашель’ (СРТ, 1804, с. 227)), *күк йүтәл* ‘коклюш’ (хвалынский говор мишарского диалекта) (ТТЗДС, 2009, с. 260)), *сидеке тодылу зәхмәте* (سيديكي تودولو زحمتى) ‘болезнь задержки мочеиспускания’, *тир зәхмәте* (تر) / *тир сыркау зәхмәте* (تيرسرقاؤ) ‘потная болезнь, лихорадка’.

3. Записи, содержащие название какого-либо изменения (внутреннего или внешнего) в организме / новообразования на теле: *зәңгелә зәхмәте* (زنكله زحمتى) ‘цинга’ (< перс. *занг’ар* ‘голубой’), *жүжү зәхмәте* (جو جو) ‘сахарный диабет’ (в тоболо-иртышском диалекте *цөцө* ‘сладкий’, *цөцө авыру* ‘сахарный диабет’), *кәл зәхмәте* (كل) ‘заразное кожное заболевание’ (досл. *кәл* ‘парша’), *кутур зәхмәте* (قوتور) / *кудур зәхмәте* (قودور) ‘короста’ (общетюрк. *қотур*; *қудыр*, *котур* ‘короста’ (СРТ, 1804, с. 244); в тобольском говоре *кутыр* ‘золотуха’ [Рамазанова, 2013, с. 304]), *кызылча зәхмәте* (قزولجه زحمتى) ‘корь’ (досл. красная болезнь; *кызылча* ‘корь болезнь’ (СРТ, 1804, с. 245)), *сарык зәхмәте* (صارق) ‘гепатит’ (< общекипчакское *sary* < древнетюркское *sary*, *sariy* ‘желтый’ (ТТЭС, 2015, II, с. 145)), *тәмүр дәру зәхмәте* (تموردارو) ‘лишай, летучий огонь (у детей)’ (ССТН, 1869, с. 377) (*тәмүр дәру* / *тимер дәре* (*тире*) – досл. железная кожа; в тобольском говоре *тимерәу* ‘диатез’), *чәчәк зәхмәте* (ججك / ججك) / *жәжәк / сәчәк зәхмәте* ‘оспа’ (в тобольском говоре *цицәк* ‘оспа’), *шеш зәхмәте* (شيش) ‘опухоль’ (*шиш* ‘опухоль’ (СРТ, 1804, с. 341)).

4. Наименования болезней, отсылающие к религиозному мировосприятию: *жәен зәхмәте* (جن) ‘джинн + болезнь’ (< араб. *жәинн* «джинн, черт, нечистый»), *йил зәхмәте* (يل) ‘сумасшествие’ (*йелле* – тронутый нечистой силой (ТТЗДС, 2009, с. 247)). В говорах тоболо-иртышских татар используется сочетание *йенгә / йелгә сугылу* (досл. удариться о черта / ветер) ‘стать бесноватым’.

Кроме того, по представлениям мусульман, человеку отмерено определенное время, по истечении которого наступает смертный час – *әжәл зәхмәте* (اجل) ‘страдание смертью’ (< араб. *әжәл* ‘смерть, преставление, смертный час’).

Необходимо отметить, что некоторые названия приобрели статус медицинских терминов в современном татарском литературном языке. Например, *зәңгелә*, *зәңгелә авыруы* ‘цинга’, *чәчәк (авыру)* ‘оспа’. Большинство названий болезней отсы-

лают лишь к симптому. Нередко, ввиду отсутствия в сельской местности медицинских работников, поставить точный диагноз не представлялось возможным. В «Статистическом обзоре Тобольской губернии за 1897 г.» отмечается, что в Туринском и Тобольском округах «7 врачей (19 % общ. числа), но число жителей для врачебной помощи простирается до 50,507 чел., причем на каждого врача приходится по 44 селения, разбросанных на пространстве в 49,903 кв. версты. Однако, эти исчисления показывают положение дела только при полном введении реформы; для отчетного же года они представляются неточными, так как в этом году из числа принятых таблицей за норму 36 врачей не было на лицо 9 врачей, вакансии которых оставались незамещенными по недостатку кандидатов» (СОГГ, 1898, с. 57).

Отдельную группу составляют названия болезней, заимствованные из (посредством) русского языка: *астма* (استمه) / *азумэ зэхмэте* 'астма' (< греч. *asthma* (СИС, 1910); ср.: *иситма* 'лихорадка' (ССТН, 1869, с. 43)); *чикутка* (جيكوتكه) *зэхмэте* 'чахотка' (< рус. *чахотка*; в записях также используются диалектные варианты *нэжикэ* (نجيكه) / *нэчэгэ* / *нэчикэ* (نجيكه) *зэхмэте* (ср.: *еца ауру* 'чахотка' (СРТ, 1804, с. 650) и *осун* (اوسون) / *озун* (اوزون) *зэхмэте* 'туберкулез', в тобольском говоре *осон ауру* 'туберкулез' (ТТЗДС, 2009, с. 506)); *франжус* (فرانجوس) *зэхмэте* 'французская болезнь, сифилис'. Л. К. Байрамова пишет, что «в русском и английском языках отражен взгляд на эту [французскую] болезнь как на болезнь французского происхождения: *французская болезнь* – сифилис; англ. *French ache(s)* – сифилис (букв. французская болезнь); *French fever* – (букв. французская лихорадка, жар); *French mole* (букв. французская родинка); *French pox* (букв. французская оспа)» [Байрамова, 2016, с. 119].

Отражение в мечетных книгах эпидемиологической ситуации в сельской местности Западной Сибири в XIX веке

Материал мечетных книг является ценнейшим источником для изучения эпидемиологической ситуации в сельской местности Западной Сибири. По данным рукописных книг, смертность жителей нередко зависела от различных инфекционных болезней. В качестве примера рассмотрим статистические данные, собранные за 42 года из Кайнаульских мечетных книг, в период с 1831 по 1873 г. Необходимо отметить, что в Кайнаульских мечетных книгах содержится информация по трем населенным пунктам: Кайнавыл (Кайнаульские юрты при Иртыше), Тайлак (Тайлацкие юрты), Туйлукан (Тюлюганские юрты). Следовательно, в статье приводятся сводные статистические сведения по трем населенным пунктам.

По сведениям за 1868–1969 гг., в юртах Кайнаульских (при реке Иртыш, ныне деревня Кайнаул Усть-Ишимского района Омской области) проживало 139 человек: 74 мужского и 65 женского пола; в Тайлацких юртах – 69 человек: соответственно 35 и 34; по Тюлюганским юртам информация отсутствует (СНМ, 1871). В XX в. деревни Тайлак и Тюлюган исчезли (местные жители переехали в близлежащие населенные пункты).

На рис. 1 отмечены 3 пика смертности, которые приходятся на 1839 г. (31 чел.), 1848 г. (33 чел.), 1865 г. (30 чел.). В эти годы население убавлялось приблизительно на 11–12 %. В 1839 г. случилась вспышка оспы среди детей; в 1848 г. – вспышка болезни живота (вероятно, дизентерия, кровавый понос), от которой умерло 29 чел. в возрасте от 1 года до 88 лет; в 1865 г. – вспышка дизентерии и оспы.

Смертность от инфекционных болезней составляет 73,1 % от общего количества умерших. Наиболее распространенные болезни: дизентерия – 43,9 %, оспа – 20,8, коклюш – 10,8, туберкулез – 4,8, лихорадка – 4,2, корь – 3,8, кожные заболевания – 2,6 %. Согласно статистическим сведениям, в 1861 г. в Тобольской губернии дизентерией страдало 527 чел. (ДС, 1886). Для сравнения: в 1861 г. в рассматриваемых юртах умерло от дизентерии 14 чел. (а в 1848 г. – 28 чел. (!)), т. е. 2,6 % от общего количества заболевших в губернии.

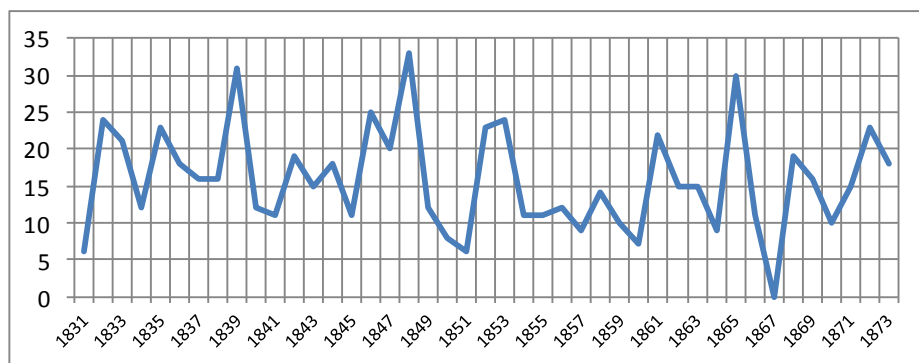

Рис. 1. Динамика смертности населения юрт Кайнаульских, Тайлацких и Тюлюганских

Fig. 1. Mortality dynamics of population of Kaynaul, Tailatsk and Tyulyugan yurts

По официальным данным, в Тобольской губернии с 1865 по 1911 г. было зафиксировано: больных тифом – 57,5 %, дизентерией – 11,9, натуральной оспой – 11,2, сибирской язвой – 3,6, корью – 10,9, скарлатиной – 4,9 %. Смертность составила: от тифа – 10,1 %, кровавого поноса – 18,5, натуральной оспы – 19,0, сибирской язвы – 6,5, кори – 15,5, скарлатины – 22,9 % (ДПО, 1897). Необходимо отметить, что в официальных источниках приводятся статистические данные больниц, в которых была констатирована смерть. Следовательно, смертность среди сельского населения (тем более инородцев) мало учитывалась. К примеру, в исторических источниках отмечается: «Приступая к составлению карты смертности, мы, по необходимости, брали в расчет только одно православное население края на том основании, что для населения других вероисповеданий мы не имели никаких данных, на которых бы можно было положиться без большой погрешности» (ПК, 1864, с. 303). Тем не менее общая тенденция усматривается.

Наиболее трагично складывалась ситуация, связанная с детской смертностью, которая составляет 63,2 % (до 16 лет включительно). Детская смертность наступала вследствие неудачных родов, вспышки эпидемий оспы, кори, коклюша, болезней живота, туберкулеза, тифа и др. На рис. 2 приводится динамика наиболее распространенных инфекционных болезней среди детей, вследствие которых наступала смерть. Выделяются годы вспышек оспы: 1835, 1839, 1842, 1846, 1852, 1860, 1865, 1872. С 1 января по 5 июня 1835 г. от оспы умерло 15 детей в возрасте от 14 дней до 6 лет, с 15 января по 27 декабря 1846 г. – 19 детей от

1 года до 7 лет, с 8 ноября по 13 декабря 1865 г. – 13 детей от 1 года до 6 лет, с 12 января по 4 мая 1871 г. – 13 детей от 1 года до 7 лет.

Практически непрерывной линией представлен график, иллюстрирующий смертность детей от дизентерии. Необходимо отметить, что дизентерия была причиной гибели как взрослых, так и детей. Следовательно, в рассматриваемый период дизентерия имела устойчивый и распространенный характер.

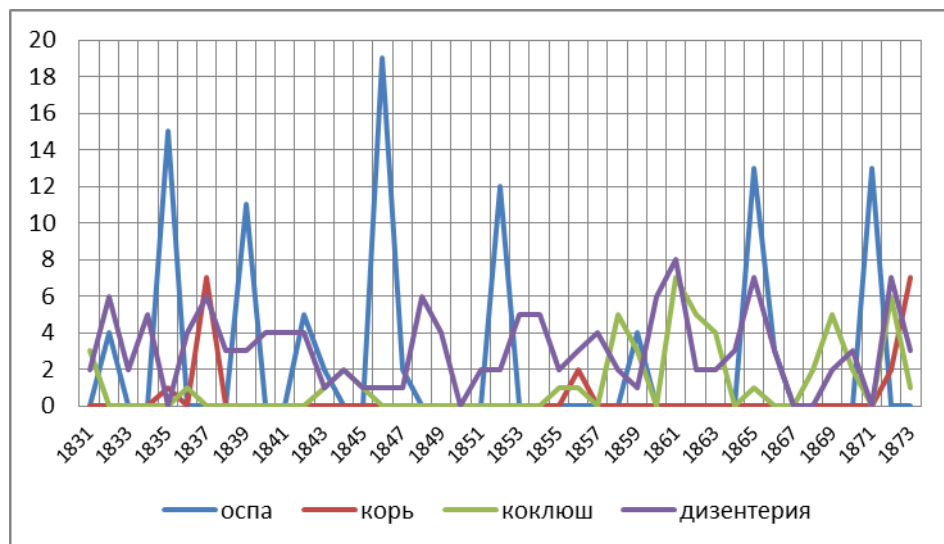

Рис. 2. Динамика детской смертности юрт Кайнаульских, Тайлацких и Тюлюганских (от оспы, кори, коклюша, дизентерии)

Fig. 2. Child mortality dynamics of the population of the Kaynaul, Tailatsk and Tyulyugansk yurts (from smallpox, measles, whooping cough, dysentery)

Диаграмма отражает неустойчивую ситуацию со смертностью от коклюша. Первая небольшая волна отмечена в 1831 г. В 1855–1856 гг. имеются единичные случаи, а с 1858 г. увеличивается количество умерших от коклюша.

График детской смертности от кори выделяется менее остальных: наблюдаются две вспышки кори. В 1837 г. зафиксированы 7 смертей детей в возрасте от 1 года до 10 лет, а в 1873 г. с 27 марта по 28 июля умерло 7 детей в возрасте от 1 года до 5 лет.

Стоит обратить внимание на одновременное проявление нескольких болезней: 1837 г. – корь, дизентерия; 1839 г. – оспа, дизентерия; 1842 г. – оспа, дизентерия; 1859 г. – оспа, коклюш, дизентерия; 1865 г. – оспа, дизентерия; 1872 г. – коклюш, дизентерия, корь.

Вместе с тем зафиксированы случаи долгожительства. Например, в записях 1847 г. сохранилась информация о двух долгожительницах: 2 февраля от болезней на 99-м году жизни скончалась женщина по имени Калбика, а 4 апреля – женщина по имени Азина на 95-м году. По сведениям 1861 г., 17 декабря в возрасте 102 года от дизентерии умерла женщина по имени Инаша.

Причины возникновения и распространения инфекционных болезней были разные. Среди прочих выделяется санитарно-эпидемиологическое состояние ис-

правительственных учреждений, которое влияло на жизнь и здоровье всего населения. Уже с конца XVI в. Тобольск становится местом ссылки. В 1808 г. издается царский указ «О постройке тюремных замков». В Тюмени открытие тюремного замка состоялось в 1786 г., а в Тобольске – в 1855 г. В исторических документах содержатся сведения о высокой смертности от инфекционных болезней в тюремных замках Тобольской губернии. В «Статистическом обзоре Тобольской губернии за 1878 г.» отмечается, что «в губернии эпидемически существовали: тиф, возвратная горячка, корь, оспа и скарлатина. Тиф встречался во всех округах губернии, но эпидемический характер он принимал только в тюрьмах Тюменской и Ялуторовской. <...> Корь, в виде незначительной эпидемии, была также в Тюменском тюремном замке» (СОТГ, 1879, с. 14). А в обзоре за 1879 г. приводятся следующие сведения: «В отчетном году в губернии существовали: тиф, дифтерит, оспа, корь, коклюш, кровавый понос, сифилис и скарлатина. Тиф. Болезнь эта, как и в прошедшем году, встречалась во всех округах губернии и в различных степенях от единичных случаев до настоящей эпидемии; по преимуществу она гнездилась в тюрьмах, находящихся по тракту следования арестантов в Сибирь, начиная с Тюмени, а отсюда уже разносилась повсеместно. В городских тюремных больницах больных ею было 939, из которых умерло 139. <...> Дифтерит, появляясь в губернии лишь отдельными случаями, эпидемического характера нигде не принимал. В городских и тюремных больницах больных этой болезнью было 61, из которых умерло 45. К прекращению ее принимались должная мера» (СОТГ, 1880, с. 14).

Заключение

Исследование названий болезней и смертности от них, сохранившихся в метрических записях об умерших, позволило прийти к следующим выводам.

1. Проанализированы 43 причины смерти, которые составляют следующие тематические группы: смертный час (1 ед.), болезнь (38), несчастный случай (2), при родах (1), самоубийство (1). Выделены четыре основные лексико-семантические группы названий болезней: записи, содержащие название какой-либо части тела / органа (40 %); записи, содержащие название реакции / состояния организма (23 %); записи, содержащие название какого-либо изменения (внутреннего или внешнего) в организме / новообразования на теле (30 %); наименования болезней, отсылающие к религиозному мировосприятию (7 %).

2. В структурном отношении названия болезней состоят из двух-трех компонентов. Основная семантическая нагрузка заключается в первом слове. С этимологической точки зрения в 73,6 % случаях первый компонент имеет тюркскую основу, в 26,3 % – заимствованную. Заимствование происходило устным (непосредственные контакты с русским населением) и письменным (влияние арабского и персидского языков) путем. Региональность языкового материала обусловлена использованием территориально ограниченных слов.

3. В мечетных книгах запечатлена точная статистическая картина смертности сельского населения, которая практически не учитывается в официальных источниках. Основной причиной смертности сибирских татар в XIX в. выступают различные инфекционные заболевания.

4. Большинство лексем в современной огласовке (или форме) имеют широкое употребление как в татарском литературном языке, так и в говорах сибирских татар (76,7 %). Обращают внимание семантические диалектизмы *үзәк* (совр. *үсәк*), *йил* и *нәҗикә* (совр. *йеңгә*), а также диалектная основа *күкөз* (совр. глагол *күкәү*),

которые находят распространение в современных говорах (9,3 %). В настоящее время лексемы *жужу* (совр. *цөцө* ‘сладкий’) и *осун / озун* (совр. *оссон* ‘длинный’) не обозначают названий болезней (4,7 %). Стоит отметить лексемы, которые используются только в мечетных книгах: *мәрәз, жәр, дам, кәл*, восходящие к иноязычным корням – арабским или персидским (9,3 %).

Список литературы

Байрамова Л. К. Болезни и их фразеологические эвфемистические номинации в русском, английском, немецком, французском языках // *Здоровье и образование в XXI веке.* 2016. Т. 18, № 6. С. 117–121.

Минибаева З. И. Народная медицина башкир Курганской области (конец XIX – начало XXI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. 30 с.

Рамазанова Д. Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. Казан, 2013. 364 б. (на татар. яз.)

Nurieva Fanuza Sh., Kadirova Enze Kh., Sitdikova Ayzilya R., Ekba Zarema N. The origins and stages of development of the old tatar literary language // *Revista Inclusiones.* 2019. Vol. 6, Especial iss. P. 746–751.

Список источников

АРС – Арабско-русский словарь / Сост. Х. К. Баранов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1186 с.

АТРСЗ – *Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сайфуллин Г. Ш.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань: Татар. кн. изд-во, 1965. 792 с.

ДПО – Диаграмма процентного отношения заболеваний эпидемическими различными болезнями и смертности от них в Тобольской губернии за 1846–1896 гг. / Сост. В. Загорский. Тобольск, 1897. 1 л.

ДС – Диаграмма сравнительная болезней, наиболее распространенных в Тобольской губернии в 1855–1885 гг. / Сост. В. Загорский. Тобольск, 1886. 1 л.

ДТ – *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

ПК – Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск: Тип. Тобол. губерн. правления, 1864. 454 с.

ПРС – Персидско-русский словарь / Сост. А. А. Фархадян. М., 1959.

СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. и ред. А. Н. Чудинов. СПб., 1910. 676 с. URL: <http://rus-uz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-192-10.htm#zag-3758>

СНМ – Список населенных мест. По сведениям 1868–1869 годов. СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1871. 196 с.

СОТГ – Статистический обзор Тобольской губернии за 1878 г. Тобольск: Типография Губернского Управления, 1879.

СОТГ – Статистический обзор Тобольской губернии за 1879 г. Тобольск: Типография Губернского Управления, 1880.

СОТГ – Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск: Типография Губернского Управления, 1898.

СРТ – *Гиганов И.* Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище. СПб.: Имп. АН, 1804.

ССТН – Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. Т. 1. 810 с.

ТРС – Татарско-русский словарь. Казань: Магариф, 2007. Т. 1.

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б. (на татар. яз.)

ТТЭС – Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан: Мәгариф Вақыт, 2015. I том (А–Л). 543 б.; II том (М–Я). 567 б. (на татар. яз.)

References

Bayramova L. K. Bolezni i ikh frazeologicheskie evfemisticheskie nominatsii v ruskom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom yazykakh [Diseases and their phraseological euphemistic nominations in Russian, English, German, and French]. *The Journal of scientific articles "Health and Education Millennium"*. 2016, vol. 18, no. 6, pp. 117–121.

Minibayeva Z. I. *Narodnaya meditsina bashkir Kurganskoy oblasti (konets 19 – nachalo 21 v.)* [Traditional medicine of the Bashkirs of the Kurgan region (the end of the 19th – the beginning of the 21st century)]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Ufa, 2011, 30 p.

Ramazanova D. B. *Tatar telendә keshegә bәylәneshle leksika* [Vocabulary related to a person in the Tatar language]. Kазan, 2013, 364b. (In Tatar)

Nurieva Fanuza Sh., Kadirova Enze Kh., Sitdikova Ayzilya R, Ekba Zarema N. The origins and stages of development of the old tatar literary language. *Revista Inclusiones*. 2019, vol. 6, special iss., pp. 746–751.

List of sources

Akhmet'yanov R. G. *Tatar teleneң etimologik sүzlege: Ike tomda* [Etymological dictionary of the Tatar language: In 2 vols]. Kазan, Mәgarif Vакыт, 2015, vol. 1 (A–L), 543 p.; vol. 2 (M–Ya), 567 p. (In Tatar)

Arabsko-russkiy slovar' [Arabic-Russian dictionary]. Kh. K. Baranov (Comp.). Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1958. 1186 p.

Budagov L. Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy, so vklyucheniym upotrebitel'neyshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkiy yazyk* [Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects with the inclusion of the most common Arabic and Persian words and with a translation into Russian]. St. Petersburg, 1869, vol.1, 810 p.

Diagramma protsentnogo otnosheniya zabolevaniy epidemicheskimi zaraznymi boleznyami i smertnosti ot nikh v Tobol'skoy gubernii za 1846–1896 gg. [Diagram of the percentage of diseases of epidemic infectious diseases and mortality from them in the Tobolsk province in the years 1846–1896]. V. Zagorsky (Comp.). Tobol'sk, 1897, 1 l.

Diagramma sravnitel'naya bolezney naiboleye rasprostranennykh v Tobol'skoy gubernii v 1855–1885 gg. [Comparative diagram of the most common diseases in Tobolsk province in 1855–1885]. V. Zagorsky (Comp.). Tobol'sk, 1886, 1 l.

Giganov I. *Slovar' rossiysko-tatarskiy, sobrannyy v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche* [Dictionary of Russian-Tatar, collected in the Tobolsk main national school]. St. Petersburg, Imp. AN, 1804.

Makhmutov M. I., Khamzin K. Z., Sayfullin G. Sh. *Arabsko-tatarsko-russkiy slovar' zaimstvovaniy* [Arabic-Tatar-Russian Dictionary of borrowings]. Kazan, Tatar. kn. izd., 1965, 792 p.

Nadelyayev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 677 p.

Pamyatnaya knizhka dlya Tobol'skoy gubernii na 1864 god [Memorial book for Tobolsk province for 1864]. Tobol'sk, Tip. Tobol. gubern. pravleniya, 1864, 454 p.

Persidsko-russkiy slovar' [Persian-Russian dictionary]. A. A. Farkhadyan (Comp.). Moscow, 1959.

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka: Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v rus. lit. rechi [Dictionary of foreign words included in the Russian language: Materials for the lexical development of borrowed words in Russian literary speech]. A. N. Chudinov (Comp., Ed.). St. Petersburg, 1910, 676 p. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-192-10.htm#zag-3758>

Spisok naseleennykh mest. Po svedeniyam 1868–1869 godov [List of settlements. According to the information of 1868-1869 years] St. Petersburg, Tsentr. stat. komitet MVD, 1871, 196 p.

Statisticheskii obzor Tobol'skoy gubernii za 1878 g. [Statistical review of Tobolsk province for 1878]. Tobol'sk, Tipografiya Gubernskago Upravleniya, 1879.

Statisticheskii obzor Tobol'skoy gubernii za 1879 g. [Statistical review of Tobolsk province for 1879]. Tobol'sk, Tipografiya Gubernskago Upravleniya, 1880.

Statisticheskii obzor Tobol'skoy gubernii za 1897 g. [Statistical review of Tobolsk Province for 1879]. Tobol'sk, Tipografiya Gubernskago Upravleniya, 1898.

Tatarsko-russkiy slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Kazan, Magarif, 2007, vol. 1.

Tatar teleneç zur dialektologik syzlege [Large dialectological dictionary of the Tatar language]. F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, Z. R. Sadyykova, T. Kh. Khäyretdinova (Comps.). Kazan, Tatar. kit. nashr., 2009, 839 b. (In Tatar)

Информация об авторах

Гузель Чахваровна Файзуллина, доктор филологических наук, доцент
Энзе Ханафиевна Кадирова, кандидат филологических наук, доцент
Любовь Закиевна Масловская, кандидат биологических наук

Information about the authors

Guzel Ch. Fayzullina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
Enze Kh. Kadirova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Lyubov Z. Maslovskaya, Candidate of Sciences (Biology)